

А.С. Яровой

Современные украинская и белорусская литературы: проблемы и перспективы

Аннотация: В статье рассматриваются особенности современного литературного процесса Украины и Беларуси. Поставлены вопросы теоретического плана (периодизация, классификация явлений; трудности объективной оценки неоднозначных творческих биографий и произведений). В историко-литературном плане предпринята попытка установить причинно-следственные связи в развитии восточнославянских литератур после 1991 г. на фоне общественно-политических изменений (что особенно касается Украины). Предмет исследования – литература двух бывших советских республик, создаваемая на русском и национальных языках.

Ключевые слова: восточнославянские литературы, современный литературный процесс, культура Украины, культура Беларуси, критика, идеология, постсоветская литература

Abstract: The article concerns features of the contemporary literary process in Ukraine and Belarus. Some theoretical issues are raised in it: periodization and phenomenology e.g. difficulties of unbiased evaluation of ambiguous originative biographies and pieces of writing. In the historical and literary aspect an attempt is undertaken to see the cause-and-effect relations in the development of East Slavic literatures after 1991 considering social and political changes (especially for Ukraine).

The subject of research is the literature of the two ex-Soviet republics in Russian and national languages.

Key words: East Slavic literatures, contemporary literary process, culture of Ukraine, culture of Belarus, criticism, ideology, post-Soviet literature

Отметим сразу: беремся мы за малоподъемный и неудобноносимый, огромный комплекс проблем, дабы очертить их хотя бы пунктирно. Можно упомянуть вначале о самых мелких, таких как унификация написания фамилий: Борис Олейник (или «Олейнык»)? Микола, Мыкола, Николай Винграновский?.. Пятрусь или Петрусь Бровка?.. И далее – до атрибуции: куда, в какие классификационные форматы помещаем, например, Виталия Коротича, дебютировавшего в свое время как украинский поэт-шестидесятник, далее – русского и украинского публициста, литератора, пишущего на украинском, русском, английском языках, проживавшего в Киеве, Бостоне, Москве?.. Доходим до вопросов покрупнее, как периодизация:

выделять ли поколения в литпроцессе (-ах), или это теоретическая условность? Плюс говорим не только о литературе на национальных языках, но, естественно, и о русскоязычных авторах Украины и Беларуси. Кроме теоретико-методологических и практических (текстовый анализ...) аспектов изучения – вопрос читательского восприятия, да еще на фоне общественной ситуации...

Около четверти века умножаются знаки вопроса на заявленной площади изучения, но она так и стоит перед нами, как «терра инкогнита»...

Конечно, упоминая о перспективах, мы будем, в основном, констатировать факты *современной* литературной ситуации, а уж она и дает почву для самого широкого прогностического диапазона.

Словом, по некоторым главнейшим, с нашей точки зрения, проблемным блокам и «пройдемся». Чуть ли не к каждому из них применима схема запыленного анекдота о «хорошей» и «плохой» новости.

Первое открытие – не ошеломляющее, ожидаемое, но – важное.

Литература волей-неволей, в большей или меньшей степени продолжает быть «пристегнутой» к идеологии (-ям), вмонтированной в контекст общественно-исторической и – как ни скучно, как ни банально – политической ситуации. В Беларуси в меньшей степени. На Украине – в огромной... Немножко вернемся в прошлое. Еще в 1958 г. украинский эмигрант Дмитрий Донцов (как ни странно, русский по происхождению), теоретик так называемого «интегрального национализма» (т. е. сторонник тотального господства в обществе националистической идеологии), издал в Торонто (Канада) книгу «Две литературы нашей эпохи» («Дві літератури нашої доби»)¹. В ней он выделяет (подобно В. Ленину, писавшему о двух культурах – буржуазной и пролетарской – в каждой национальной культуре) «литературу борцов» и «литературу рабов». Он не был литературоведом, как и большинство *современных* украинских идеологов, формирующих общественное культурное сознание на разных уровнях (как и Донцов, они подменяют смысл понятий) «Рабы» – это, естественно, сторонники если не политического, то, по крайней мере, культурного единения с Россией. Эта черно-белая схема раздела стала, конечно, несколько более «серой», сглаженно-размытой к сегодняшнему дню. Но совершенно в таком же русле, к примеру, трактовал творческую личность Н.В. Гоголя в 2000-х гг. украинский прозаик В. Яворивский, прошедший, как и Д. Павлычко, неудивительную эволюцию от апологета «советских ценностей» до правоверного радикального националиста. «Раб царского трона» Гоголь у него искусственно противопоставляется «Шевченко-борцу». Конечно, это совершенно иная тема, хотя к интерпретации творческой личности Тараса Шевченко (довольно резкой, эпатажной) Олесем Бузиной, убитым год назад русским писателем из Киева, было бы нелишне обратиться заинтересованным исследователям.

В/на Украине одна из заметных культурных бед – идеологизация критики; в Беларуси – ее неполнота и малодостаточность, что ли. Относительно функционирования литературоведческой сферы у «сябров» есть самая свежая обнадеживающая новость: зимой этого года создан (как отдельная структура белорусской Академии наук) Институт литературоведения имени Янки Купалы – пять научных отделов, полсотни сотрудников². Возглавил организацию доктор филологических наук профессор Иван Саверченко; сам он литератор, антологист, исследователь

¹ Донцов Д. Дві літератури нашої доби. Репринтне відтворення видання 1958 року. Львів: Про-світа, 1991.

² ru.wikipedia.org/wiki/Саверченко_Иван_Васильевич

памяток белорусского культурного наследия и составитель их академических изданий. Примечательно, что около года назад И. Саверченко заявил во время круглого стола «Значение литературы в Союзном государстве»: «Нет ничего дороже в современном мире, чем дружба между народами». И даже отметил: «Мне кажется, что возможность напечататься и получить поддержку на высшем государственном уровне – это счастье». Почему-то четверть века мы считаем чуть ли не «кошунством» заявлять о необходимости государственной поддержки литературы – во всех трех восточнославянских республиках (в наименьшей мере в Беларуси, конечно); это привыкли считать «дурным тоном». Причины? В неудобозабываемые 1990-е, с началом «парада суверенитетов» и в благородном порыве борьбы с «наследием мрачных времен», была запущена в ход крайне лукавая формула: в литературе якобы *тоже* все регулируется законами рынка, «ценное всегда пробьет себе дорогу». (Кстати, эту пропагандистскую химеру, прикрывающую факт абсолютной *ненужности* литературы в «парадигме развала», оригинально осмыслил в мемуарно-сатирической повести начала 1990-х украинский прозаик-шестидесятник Владимир Дрозд – «Музей живого писателя, или Моя долгая дорога в рынок (Повесть-шоу)».)

Но если уж такая «государственная поддержка», как в современной Украине, то «хай Господь одводить». Все историческое бытие украинского народа (и, конечно же, культурную, литературную его составляющие) уже давно, а сейчас особенно принято рассматривать как имеющую смысл только в противостоянии с Россией, русским; все самые разнородные явления интерпретируются лишь как *инструменты* «одвічного прагнення нації до незалежності», что, конечно, во множестве случаев просто-напросто «притянуто за уши».

Идеологизированное литературоведение по форме может сохранять наукоподобность, но это – отравленная вода вражды... Яркий пример – появление на известном украинском интернет-ресурсе «ЛитАкцент» (19 марта 2015 года) статьи видного украинского критика, теоретика и историка литературы, члена-корреспондента НАНУ Мыколы Сулимы «Никогда мы не будем братьями»¹. Это добросовестный свод якобы программных проявлений антиукраинства в русской литературе, у русскоязычных авторов, в культурном сознании российского общества. Вменяется во грех еще К. Аксакову, что в рецензии на «Мертвые души» он назвал Малороссию «живой частью России»... Напоминается, что Горький в резкой форме отказался от перевода романа «Мать» на украинский язык. Даже Венедикт Ерофеев, «страшно далекий» от украинских вопросов, укоряется за четыре слова в записной книжке 1972 г. («...от гуцульства к бЕндеровщине»), причем аттестуется он исключительно как «певец горилки»(!) – и так до И. Бродского с его стихотворением «На независимость Украины», до современных писателей и журналистов, до самой «свежатины» – оппонентов так называемого «евромайдана», которые «отрабатывают сребреники новых хозяев» и т. д. Вывод содержится, собственно, уже в первой фразе: «Издавна для России нас, нашего языка и культуры или не было совсем, или мы были чьей-то выдумкой, проектом, фейком...». Обидно, однако. Горькие, несправедливые, конъюнктурные упреки. Непредвзятому исследователю – историку, филологу, культурологу – совершенно очевидно, что если бы не Переяславская рада 1654 года, не протекторат Москвы (царской, потом советской), украинской нации, не говоря уже о развитии и расцвете ее литературы, – более трех с половиной столетий – просто бы *не существовало*. Та-

¹ litakcent.com/2015/03/19/nykohda-my-ne-budem-bratjamy/

кие вот плоды активной «дерусификации» и декоммунизации¹... Это притом, что даже противники советской системы, как друг С. Довлатова – Е. Рейн, признавали, что советский XX век поднял литературу на высоту, небывалую *никогда и нигде* в мировой истории! Это время вершинных достижений украинской литературы, а для белорусской – *ядро* ее исторического существования, пик формирования и развития!

Но «официальная» Украина сегодня активно декларирует ориентацию на «психологическую Европу», провозглашенную еще в 1920–1930-х гг. Мыколой Хвильевым (тоже, кстати, русский – Фитилев...), с его лозунгом «Геть від Москви!» («Прочь от Москвы!»).

В начале апреля 2016 г. Киев посетила Светлана Алексиевич, и, конечно, «западнические» круги писательского и читательского сообщества, координируемые «вокруг события» писательницей-феминисткой Оксаной Забужко (ее проза переведена и в Москве, как и произведения Ю. Андруховича, С. Жадана), оценили визит как триумфальный. «Украинская писательская газета»² сообщает об аншлагах, километровых (буквально!) очередях за автографами, о «пятикнижии» (довольно претенциозное жанровое самоопределение, однако...) нобелиантки – «Голоса Утопии». В Киеве нобелевский лауреат поделилась несколько банальными, но неопровержимыми суждениями типа: «Литература – форма связи между людьми», «Нужно приумножать добро, а не ненависть», «Мы живем в мире, где очень много боли»...

Выбор Нобелевского комитета, несомненно, был политически мотивированным, логически он вполне объясним. Уроженка Ивано-Франковской области Украины; пишет на русском языке; белорусский оппозиционер... «Все сестрам по серьгам» – но, впрочем, ни одной!.. Фигура «*как бы*» (подчеркнем!) находящаяся в средоточии трех восточнославянских культур и в полной мере каким-то необъяснимым образом ни одной из них не принадлежащая. (Оставляем вне зоны внимания карьерное начало в советском прошлом и – пусть это субъективное мнение, но... – как маломасштабность замыслов, так и малозапоминающуюся, малооригинальную манеру изложения.)

Исходя из констатации некоторого «измельчания масштабов», выделяем еще одну проблему, *действительно проблему* трех наших литератур – отход в вечность «последних классиков». Очевидно, говоря так, подразумеваем надежду на приход классиков новых – но эта перспектива уж слишком отдаленна и загадочна.

Еще в девяностых умер знаменитый украинский прозаик-мыслитель, фронтовик Олесь Гончар (автор известной трилогии «Знаменосцы», написанной сразу по горячим следам войны, посвященной освободительной миссии Красной армии в Европе; глубоко национальный писатель, синтезировавший реализм и романтизм в романах «Собор», «Человек и оружие», «Твоя заря»; автор, прославившийся блестящей афористичностью своих философских отступлений: «У справедливых армий судьба всегда прекрасна», «Берегите соборы ваших душ»). Угас Василь Быков – масштабная, неповторимая творческая фигура в истории новейшей белорусской литературы Русская литература не так давно утратила неповторимого Валентина Распутина; уходят шестидесятники. По воспоминаниям М. Хейфеца, в СССР 1960-х гг. гремели две поэтические четверки – по одной в России и на Украине. Из российской «четверки знаменитостей» остался один Е. Евтушенко; в

¹ Яровой А.С. Русская литература как «зарубежная» // Наш современник. М., 2016. № 3. С. 266–270.

² litgazeta.com.ua/

Киеве ситуация «зеркальная»: умер только М. Винграновский (продолжают быть фигурантами литературной жизни «стартовавший» как украинский поэт В. Коротич, И. Драч; Лина Костенко уже после 80-ти лет «дебютировала в прозе», выступив с довольно неоднозначным, отягощенным публицистикой, но читабельным романом «Записки украинского сумасшедшего»).

Представители старших поколений в современном литпроцессе – отдельная тема и проблема. Уже покойный Павло Загребельный, выдающийся украинский прозаик, автор исторических, интеллектуальных романов, оставался популярным и переводимым, как ни удивительно, и после распада СССР. На закате писательской биографии он оставил роман о современности «Брухт» («Металлолом») 2003 г., констатирующий деградацию человека и общества в эпоху цивилизационных катаклизмов. Здесь он экспериментирует с собственным стилем, привнося постмодернистские элементы.

Поэт Иван Драч, прославившийся смелыми художественными поисками еще как дебютант, и дебютант «громкий» («Подсолнух», «Нож в Солнце»; более поздние антитрадиционные «Баллады будней»...), в 2005 г. пишет цикл «Противные строфы» – с нарочитой газетно-публицистической акцентацией, сатирическими приемами, даже употреблением ненормативной лексики и «оголенными» средствами примитивизации высказывания (стихотворения «Помаранчевые комиссары», «Дважды Ю», «Галицкий образок», «Говорила баба деду...», «Одиссей и Пенелопа»).

Український Одісей,
Вдома він пасе гусей...
Лає тяжко Пенелопу,
Що чкурнула у Європу...

Кстати, 2016-й принес тяжелую утрату для славянских литератур: умер Нил Гилевич, последний *Народный поэт Беларуси* – там существует такое официальное звание. С нами остаются пронзительные стихи тонкого лирика-философа, влюбленного в Родину, в красоту мира и человека: «Ісціна, адвечная, як свет: / Шчасце ходзіць толькі ў пары з горам». Именно так, несколько «лиризируя» наше изложение, мы можем подчеркнуть, что почти любой аспект литературной жизни Украины и Беларуси имеет как позитивно-оптимистическую, так и отрицательную сторону. Белорусские власти готовы поддерживать искусство – но заметных культурных феноменов не так и много... Талантливый русский поэт Беларуси Владимир Некляев находится в политической оппозиции, как и представитель младшего поколения, пишущий на белорусском, Андрей Хаданович... Но не всегда ситуация «больше, чем поэт...», активно инкорпорировавшийся в общественно-политическую сферу, «имеет место быть». Обращают на себя читательское внимание, в том числе в России, и «неполитические авторы», дети постсоветской эпохи, как Мария Малиновская (1994 г. р.)

Новых прочтений, вероятно, ждет оригинальное поэтическое наследие Вениамина Блаженного (вариант псевдонима до 1980-х – «Блаженных»; настоящее имя – Вениамин Михайлович Айзенштадт, 1921–1999), самобытного автора, существовавшего вне «советской парадигмы», как и его последователя (в чем-то) Дмитрия Строцева (род. в 1963), подчеркнуто остающегося «параллельным» относительно современного литпроцесса Беларуси... Несомненно, читатели России и Украины с интересом откроют для себя творчество рано ушедшей Евгении Янищиц, автора хрестоматийного для белорусов стихотворения «Гавары са мной па-беларуску».

Вообще же складывается впечатление, что после 1991 г. больше можно говорить об успехе, прежде всего, белорусского кинематографа, в меньшей мере – эстрадной музыки, театра, чем литературы. Большую популярность завоевали кинокартины «В августе 1944» (совместное производство России и Беларуси). В 2014 г. на экраны вышел фильм «Белые росы. Возвращение» (Беларусь, автор сценария и режиссер Александра Бутор, уже не одно десятилетие работающая на этой ниве). В фильме осмысляется тема возвращения человека к истокам, родовым корням.

В свое время В. Астафьев высоко оценил белорусскую военную прозу. К партизанской теме (как одной из ключевых в белорусской истории) ищет подходы даже так называемое «альтернативное» кино, хотя, конечно, трактуется она довольно спорно с этической и художественной точек зрения.

Таким образом, сегодня белорусская литература представлена, в основном, *военной темой; темой Чернобыля*; отдельно, особняком, стоит *детская литература* довольно качественного уровня (специалисты квалифицируют белорусский фольклор как один из самых ярких и красочных по образам и мотивам в славянских культурах, а ведь «детские авторы» немало черпают из фольклора). Есть и пласт «бестселлерных попыток», именно «хорошо продаваемой» массовой литературы, представленной фэнтези, различными «сагами о вампирах» и т. д.

Впрочем, о современной белорусской литературе в большой мере можно сказать словами из эссе хорватской писательницы Дубравки Угрешич: «Как писателю, мне не хватает читателя. Как читателю, мне не хватает писателя» (высказывание из ее эссе «Читать запрещено» – очерки 1990-х гг. о судьбах литературы в бывшем «социалистическом лагере»). С некоторым оттенком пессимизма говорит о состоянии национальной словесности писатель и критик из Гродно Инга Ласмане (статья «Белорусская художественная литература сегодня не в моде»)¹. Особенно заметны трудности в сфере самой литературной критики Беларуси.

Собственно, проблемы и явления в двух национальных литературах можно выделять и выделять...

Ждет своего исследователя творчество убитого киевского писателя Олеся Бузины – чуть ли не единственного, позиционировавшего себя в украинской литературной среде после 1991 г. одновременно украинцем и русским, последовательно отстаивавшим идею цивилизационного единства трех восточнославянских народов.

Интересен вопрос диалектики традиций и новаторства: за пределами Украины практически неизвестна, например, визуальная поэзия И. Иова, М. Мирошниченко, А. Мойсиенко, а это отнюдь не «забавки» – это своеобразная художественная философия на порубежье двух искусств (в Беларуси данная поэтическая ветвь, насколько известно, не представлена).

Эксперименты с соцреалистической эстетикой, даже полемические, тоже могут быть материалом для будущих исследований (киевлянин Иван Коломиец, выступающий под псевдонимом Ваню Крюгер, со сборником «Ласковая улыбка Берии» – «Ласкава посмішка Берії»).

Серьезное и *новейшее*, только-только возникшее явление – две литературы о Донецкой войне! Появились 1) «киевский» ракурс, представленный, например, повестью печально известного ксенофобией В. Шкляра «Черное солнце» – само название отсылает читателя к черному «коловороту» на шевронах карательного батальона, и 2) литература писателей Донбасса – первичное впечатление о ней

¹ www.litkritika.by/categories/literatura/raznoe/2272.html

вполне может дать антология «Строки мужества и боли» (Москва, 2015). «Посередине» находится очень малочисленная группа литераторов, главный представитель которой – поэт Роман Скиба. Они отвергают войну, придерживаясь позиции нейтралитета.

Тема примирения народов, антивоенная литература развиваются и литераторами-«патриархами»: в 2012 г. участник штурма Берлина, лауреат Национальной премии имени Т. Шевченко, романист и эссеист Александр Сизоненко подарил читателям книгу «Валькирии не прилетят (Берлинские хроники)». В ней очевидец страшной мировой войны идет в русле «Крымских рассказов» Л. Толстого, прозы Э. Хемингуэя; книга подтверждает очевидную истину, что настоящая военная проза – всегда антивоенна.

Писателями среднего поколения возрождаются традиции философской, гуманистической прозы и поэзии; возвращаются с «игрища шутов» 1990-х к глубинным, онтологическим, вечным проблемам украинцы М. Дочинец, В. Слапчук, П. Вольвач.

Это, конечно, – больше констатации. А прогнозы? Они базируются на констатациях.

Трудности есть, их много, но не погибли, существуют, развиваются две значительные славянские литературы. Это внушает обоснованный убедительными фактами исследовательский и читательский оптимизм.

ЛИТЕРАТУРА

Донцов Д. Дві літератури нашої доби. Репринтне відтворення видання 1958 року. Львів: Просвіта, 1991. 295 с.

ru.wikipedia.org/wiki/Саверченко_Иван_Васильевич

litakcent.com/2015/03/19/nykohda-my-ne-budem-bratjamy/

Яровой А.С. Русская литература как «зарубежная» // Наш современник. М., 2016. № 3. С. 266–270.

litgazeta.com.ua/

www.litkritika.by/categories/literatura/raznoe/2272.html

REFERENCES

Dontsov D. (1991) Two Literature of Our Time (Reprint of Edition 1958). Lvov. Prosvita Publ. 295 p.

ru.wikipedia.org/wiki/Саверченко_Иван_Васильевич

litakcent.com/2015/03/19/nykohda-my-ne-budem-bratjamy/

Yarovo A.S. Russian Literature as “Foreign”. *Nash Sovremennik*. 2016. No 3, pp. 266-270.

litgazeta.com.ua/

www.litkritika.by/categories/literatura/raznoe/2272.html

Сведения об авторе:
Александр Степанович Яровой,
канд. филол. наук
доцент
кафедра истории новейшей русской
литературы и современного литературного процесса

филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexandr Yarovoi,
PhD
Docent
Department of the History of Newest Russian Literature
and Contemporary Literary Process
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
alexyarov70@mail.ru